

Последний авангардист

Колл. правда. - 1993. - Июль. - с. 3.

В издательстве «Глагол» выходит двухтомник Евгения Харитонова, русского писателя, не опубликовавшего ни строчки в официальной печати. Подготовил этот сборник наш собеседник Ярослав Могутин. Харитонova он открыл в парижском журнале. Харитонов его потряс: «Когда двухтомник выйдет в свет, в советской литературе произойдет революция — и многие писатели уйдут в тень...».

— В 1985-м в Париже, в журнале «А—Я» появилась публикация Харитонova. Она была одной из первых. В Москве я стал интересоваться его судьбой.

Харитонов окончил ВГИК, защитил диссертацию по теме «Актерское мастерство и пантомима». Преподавал во ВГИКе. Людмила Петрушевская в первую очередь признает его театральные заслуги, а потом литературные.

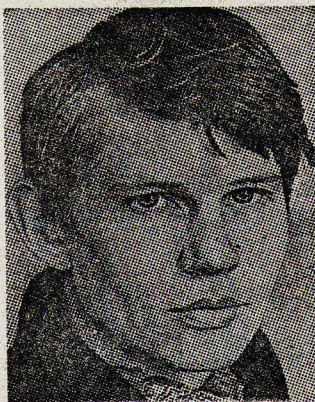
Незадолго перед смертью в 1981 году Харитонов составил первый сборник своих рукописей «Под домашним арестом». Фактически это была первая его попытка вырваться из самиздатовского существования. Он был писателем совершенно нетипичным и для себя сформулировал причины, по которым он не сможет никогда стать официальным писателем: «...если бы нас стали печатать, мы бы перестали существовать».

Харитонов — писатель уникальный. Ему нет аналогов. Это необычайное смирение, спокойствие, которое связано с писательской судьбой. Его интересовал текст, а не факт публикации.

Начинал сложно. Одно стихотворение писал полгода. В конце жизни стал виртуозным писателем. Как говорили о нем: он дошел до идеальной чистоты формы, когда слова рождались и тут же падали на бумагу. К писательству он не относился как к работе. Я нашел сборник, который Харитонов составил сам. И сам сделал несколько копий. Одна попала в Америку, к Василию Аксенову, которую он даже поклялся выпустить книгой. Но обещания своего не выполнил. Даже после смерти Харитонova.

Аксенов не только не опубликовал книгу, но и ни одного из текстов. Зато написал статью «Е. Харитонов — подпольный житель Москвы», на мой взгляд, высокомерную. Заканчивается примерно так: упокой, Господи, душу раба твоего, который так по-детски, так примитивно обращался к тебе (имея в виду литературу).

Другая рукопись попала в Париж. В Париж ее передал

Евгений ХАРИТОНОВ.

Высоцкий. Из нее и сделали публикацию в журнале «А—Я».

После смерти Харитонova началась неприятная история с альманахом «Каталог» (дочернее предприятие «Метрополя»). Одним из участников «Каталога» был Харитонов. Пошел большой шмон. Его рукописи были изъяты при обыске и, видимо, пропали навсегда. Я нашел экземпляр, который сохранился у поэта Айзенберга.

— Была ли у него семья?

— Харитонов — родом из Новосибирска. Истоки интеллектуальной части «Памяти» находились в академической среде академгородка. И у меня есть основания полагать, что круг новосибирских друзей Харитонova, его родные каким-то образом были связаны с этим зарождавшимся движением.

Об этих вещах надо говорить осторожно, понимая, что сегодняшнее общество «Память» ассоциируется совершенно с конкретными людьми. И я хочу сразу сказать, что та «Память», к которой бы мог иметь отношение Харитонов, не имеет ничего общего с нынешней. Ее задачи и цели были иными. Многие диссиденты были приверженцами «Русской идеи», но, разумеется, ни о каких погромах, визитах в редакции речи быть не могло.

— Почему ваше «левое» издательство взялось за публикацию этого автора?

— Издательство «Глагол» возникло с той целью, чтобы издать те книги, которые издавать никто не решался. Роман Лимонова «Это—я, Эдичка» отказались печатать все издательства. Нами было сфабриковано письмо в типографию ЦК Компартии Латвии. И книгу напечатали под охраной ОМОНа.

Для Харитонova определение «русский писатель» было очень актуально, русская идея — лейтмотив многих

произведений. Не будь этой темы, ни на каком гомосексуализме, а по утверждению Дм. Пригова, именно он стал первым писать на эту тему, он бы не выехал. И сегодня, я уверен, Харитонов как писатель способен представлять русскую литературу XX века и на европейском, и на мировом уровне.

— Почему же до сих пор Харитонов официально опубликован не был?

— И сейчас появление текстов Харитонova в прессе вызывает шок у читателей.

Вообще все, что связано с Харитоновым, у людей вызывает либо любовь, либо гнев, не могут о нем спокойно говорить. Такой же шум был в свое время вокруг Василия Розанова. Его клеймили и возносили.

— Вы утверждаете, что за фигурой Харитонova в литературе больше никто не стоит. Он — последний...

— Сейчас происходит качественное изменение литературного процесса. Говоря «качественное», к сожалению, приходится признавать его ухудшение.

То, что делают Сорокин, Пригов, — это уже не литература, а филологические опыты. Таков весь постмодернизм, не имеющий никакого отношения к читателям. Это вне жанра. Что-то такое, что никогда не создаст своей литературной школы. Может быть, лингвистическо-структуралистскую?!

Когда Нина Садур говорит о том, что влияние Харитонova настолько велико, что видно в произведениях Ерофеева, Попова, Сорокина, это не просто попытка расставить точки над «i»... Он был первый.

Харитонов же нашел ту линию синтеза, которая позволила ему обобщить весь опыт авангардной литературы. И в этом смысле он закрыл собой последнюю страницу. Своим появлением он восстановил в нем русскую линию, которая была прервана после 17-го.

Харитонов — не тот писатель, которому могли при жизни или вскоре после смерти дать премию. Это настоящая литература, которая не скоро будет иметь своего читателя и вряд ли будет иметь мощную лоббированную поддержку.

Харитонova публикуют самые модные издания. Даже «правые» пытаются. Ефим Шифрин убеждал меня, что нужно не отвратить читателя. Писать о нем деликатно. Но как сказала Петрушевская, что касается будущего Харитонova, то здесь будет все в порядке.

Григорий РЕЗАНОВ,
Татьяна ХОРОШИЛОВА.